

СВОБОДА И СИСТЕМА В «ОБЩЕСТВЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ»

Е.В. Кармазина

Сибирский университет
потребительской кооперации,
Новосибирск

Karmazin.88@mail.ru

В статье анализируются основные теоретические позиции, касающиеся понимания свободы в так называемом «обществе потребления». Эксплицированы и исследованы «контр-системное» и «про-системное» направления интерпретации взаимосвязи социальной системы и свободы.

Ключевые слова: свобода, личность, персонализация, манипуляция, социальная система.

Проблематика противоречивых взаимосвязей личности, свободы и социальной системы образует одно из актуальных направлений социальной философии, единое предметное поле исследований на стыке общетеоретической социологии, философской антропологии, культурологии, психологии и теории идентичности.

В теоретических дискурсах XX столетия представлены расходящиеся линии интерпретации социальной системы, в рамках которых система понимается либо в качестве начала, развивающего и освобождающего, «эмансипирующего» личность, либо, наоборот, как фактор ее деградации и «обезличивания», подчинения внешним и чуждым силам. Происходит постепенное оформление двух «идейных платформ», «парадигм», первая из которых условно может быть названа «про-системной» (в силу характерной для нее доминанты легитимации и даже апологии системы), а вторая – «контр-системной», поскольку в ней доминируют мотивы критики социальной системы в ее антропологическом и персоналистическом значениях. Про-системная парадигма опирается преимущественно на концепции общете-

оретической социологии (линия Г. Спенсера, М. Вебера, Э. Дюркгейма, П. Сорокина, Т. Парсонса, Н. Лумана) и социальной психологии (Ч. Кули, Дж. Мид). Ее главную, «системообразующую» идею образует тезис о том, что социальная система является объективно необходимым условием человеческой жизни и развития личности, в конечном итоге – основанием индивидуальной свободы. Концептуализация необходимости системы выступает здесь в качестве теоретического обоснования ее легитимации, условно говоря, «оправдания». Контр-системная «платформа» представлена в общей смысловой линии развития гуманитарных дискурсов экзистенциального, персоналистического, социально-критического (Франкфуртская школа), позднее – постмодернистского (постструктуралистского) толка. Здесь доминирует «парадигма враждебности»: система есть отчужденная (объективированная и реифицированная) сущность, враждебная личности и свободе (аспект объективной необходимости либо игнорируется, либо отвергается). Соответственно, аксиологический аспект интерпретации антропологического и персоналистическо-

го смысла системы выстраивается в логике «обвинения».

Опыт непримиримой критики социальной системы, уходящей корнями в консервативно-романтические (Ф. Тённис), персоналистические (Н. Бердяев, М. Бубер) и экзистенциальные теории, получает новый импульс развития в период идейных исканий и общей радикализации настроений европейской интеллигенции, получивший название «революции шестидесятых». Эта эпоха интегрировала и дала новый импульс развития происходящим уже с начала пятидесятых годов техническим и социально-экономическим преобразованиям, а также наглядно продемонстрировала общекультурные и ценностные последствия данных преобразований. Индустриальная цивилизация вступила в стадию «общества потребления», представляющего собой, как вскоре выяснилось, один из аспектов более фундаментальной социальной реальности – формирующегося «информационного общества». Реальность «информационного»/«потребительского» общества значительно изменила образ жизни большинства населения и стимулировала существенные трансформации как в структуре социальной системы (номенклатура и иерархия социальных ролей и институтов), так и в самом характере (способах, механизмах) индивидуально-социального взаимодействия.

Новый образ социальной системы, который складывается в интерпретациях «информационного»/«потребительского» общества, оформляется по нескольким базовым направлениям, которые представлены практически во всех текстах, посвященных анализу данной проблематики. Различия в интерпретациях и оценках могут быть весьма существенными, поскольку сохраняет-

ся противостояние «контр-системной» и «про-системной» парадигм, но давно уже выявлены характеристики системы, по поводу определяющей значимости которых среди исследователей достигнуто некое подобие консенсуса. Среди наиболее важных характеристик такого рода следует назвать следующие: оформление огромной инфраструктуры потребительских рынков с их неотъемлемой информационной составляющей, что радикально изменило весь культурный ландшафт современности; резкое возрастание роли и значения СМИ в человеческой (индивидуальной и социально-системной) жизнедеятельности; а также значительные трансформации базовых ценностных комплексов, образующих основание культуры и системы. В процессе теоретического анализа данных «социальных фактов», характерных для ситуации современности, на первый план вновь выдвигается проблема изменяющейся мотивации индивидуальной деятельности в ее системных модусах, в параметрах «социального участия». Проблему индивидуальной мотивации, совмещающую в себе противоречивость экзистенциальных (субъектных) начал и объективированных механизмов системного регулирования, еще Т. Парсонс считал наиболее фундаментальным вопросом в объяснении индивидуальной/социальной взаимосвязи, призванной совместить принципы индивидуальной свободы и социального порядка («совмещение произвольности и неслучайности действия»). Ныне социокультурная ситуация усложнилась: претерпели значительные изменения приоритеты в области индивидуальных целей (сфер самореализации) и путей достижения этих целей, а также в области методов обеспечения «согласия» личности и системы, что и составляет суть си-

стемного регулирования. Общие направления этих изменений: от доминанты сферы производства к возрастанию роли и значения сферы потребления; от экономической и политической конкуренции – к «знаковому», «символическому» соперничеству в борьбе за индивидуальность; от приоритета методов принуждения и убеждения – к преобладанию методов манипулирования, к доминанте «соблазна». З. Бауман в книге «Индивидуализированное общество» писал: «Создание потребностей заменяет сегодня нормативное регулирование, реклама занимает место идеологической индоктринации, а соблазны заменяют надсмотр и принуждение»¹. Интерпретация и оценка этих «социальных фактов», уже ставших общепризнанными среди специалистов, значительно (вплоть до полярности оценок) варьируется в работах авторов, представляющих контр-системное и про-системное направления. Заочная теоретическая полемика между ними по-прежнему выстроена в общей логике противостояния «парадигмы враждебности» (обвинения системы) и «парадигмы необходимости» (оправдания системы).

В резко критических по отношению к институтам «социального порядка» текстах контр-системного направления современное состояние социально-индивидуального взаимодействия интерпретируется как расширение спектра возможностей влияния системы на личность и возрастание ее реальной власти по отношению к личности. В «обществе потребления» выходящие за рамки прямого принуждения механизмы управления и регулирования (нормативные и ценностные), ранее связанные с указаниями на некие социально «авторитетные»

инстанции (культурные, традиционные, исторические), теряют свою определенность и наглядность, приобретают скрытые, неявные, опосредованные формы, образно говоря, уходят в тень. Системные методы влияния, управления и регулирования утрачивают свой самостоятельный институциональный статус (школа, церковь, политическая идеология, государственная пропаганда) и интегрируются в структуры, оформляющие функционирование потребительских рынков. В результате «скрытого» влияния, согласно Г. Маркузе, утрачивается прежде существовавшая рационально (рефлексивно) оформляемая дистанция между «интимностью» внутреннего Я (личным сознанием) и социально-системными модусами (нормами, ценностями, образцами и «ролями»). Прежде люди осознавали различие «внешнего» и «внутреннего», понимали, что их направляют и контролируют некие внешние инстанции, теперь субъективное различие внешнего и внутреннего утрачивается и доминирует иллюзия «собственного выбора». В новой социальной реальности функции влияния и контроля переданы от институционализированных инстанций самим вещам, точнее, порядку вещей (по выражению Ж. Бодрийяра, «системе вещей»), которые образуют предметную сферу потребительской свободы человека. Потребительская свобода, самореализация в сфере потребления и в соответствующих модусах поведения, колоссально расширяющая поле жизненных возможностей каждого человека, все более явно доминирует среди ценностных приоритетов массового сознания и представляет собой, согласно данной интерпретации, иллюзию свободы, маскирующую «репрессивную» практику системного управления. Тезис о «репрессивности» современного

¹ Бауман З. Индивидуализированное общество. – М.: Логос, 2002. – С. 85.

социального порядка в книге «Одномерный человек» Г. Маркузе не является просто литературным штампом, типичным для всей «критической философии» (хотя и такая оценка не была бы абсолютно безосновательной). В самом названии книги, в знаменитом образе «одномерного человека» заключены основания столь резкой негативной оценки: система репрессивна потому, что не ограничивается внешним давлением, но своими манипуляторскими действиями вторгается во внутренний мир личности и разрушает изнутри индивидуальную личностную автономию – главный показатель индивидуальной свободы. В тексте: «В современную эпоху технологическая реальность вторгается в личное пространство и сводит его на нет. Массовое производство и распределение претендуют на всего индивида, а индустриальная психология уже давно вышла за пределы завода»². Вполне очевидно, что в данном контексте «одномерность» является метафорой упрощенности, примитивизации, утраты внутренней сложности и самостоятельности (опоры в себе) – «одномерный» человек является марионеткой, игрушкой в руках чуждых внешних сил. Философским эквивалентом этой метафоры являются понятия «объект» и «объектность» в их смысловой оппозиции «субъекту» и «субъектности» (не в гносеологической, а именно в современной праксеологической и персоналистической интерпретации данных понятий). Так оформляется доминирующий на данном этапе в «парадигме враждебности» мотив критики и обвинения: система враждебна личности, поскольку своими методами воздействия способствует ее деградации (при-

² Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. – М.: АСТ, 2002. – С. 274.

митивизации); под разговоры об освобождении, индивидуализации и субъективации человеческой жизни в реальной практике она развивает не свободу (субъектность), а объектность личности, все в большей степени превращая людей в объекты системного манипулирования.

Данная линия аргументации получает развитие и дополняется новыми мотивами в работах Ж. Бодрийяра: в них акцентируется иллюзорный характер присущих современной массовой культуре императивов персонализации и индивидуализации, толкуемых в качестве оснований подлинной свободы, и «симулятивные» черты всей культуры «общества потребления» – предметы потребления (вещи) существуют преимущественно в их знаковой, символической функции, маркируя системную иерархию – «реестр статусов», а потребности людей искусственно и целенаправленно формируются под задачи системной интеграции. Особое значение в данном контексте приобретает тезис об имманентно присутствующем всей культуре «общества потребления» императиве персонализации. В «Системе вещей» Ж. Бодрийяр развивает мысль о том, что наибольшим спросом в этом обществе пользуется именно личность, и современный потребитель «буквально принужден осуществляться как личность»³. Персонализация выступает в первую очередь и преимущественно как индивидуализация, и поэтому главной характеристикой предметов потребления становится свойство «различия», маркирующее индивидуальность и уникальность их хозяина. При этом мотив конкуренции, столь значимый для общества с доминантой производства (неустраняемая борьба за собственность и

³ Бодрийяр Ж. Система вещей. – М.: Рудомино, 1995. – С. 127.

власть), уходит на второй план, а главным становится лозунг «персонализация для всех», что характерно для общества с доминантой потребления, создающего иллюзию безграничных возможностей «самоосуществления личности». По словам автора, «идеология конкуренции ныне повсеместно отступает перед «философией» личностного самоосуществления»⁴, и лозунг «свобода быть собой» превращается из философского принципа в растрепанное клише, рекламный слоган, смысл которого заключается преимущественно в «раскрепощении сознания», «свободе наслаждаться жизнью». Вся могущественная система СМИ и особенно институт рекламы постоянно провоцируют и подогревают развитие гедонистических настроений, и поэтому в массовом сознании осуществляется все более заметный дрейф в направлении, условно говоря, от трудовой и карьерной аскезы («принципа реальности») к доминанте «принципа удовольствия». В этой связи автор неоднократно подчеркивает ущербность, «неподлинность», «второсортность» такого рода самоосуществления – потребительской свободы. Однако в работах Ж. Бодрийяра главный мотив критики (обвинения) системы заключается не в указании на ее потенциально «развращающее» влияние, – через «стратегии соблазна» движение от принципа реальности к принципу удовольствия. Как раз в этом вопросе позиция «критической» философии всегда была двойственной и противоречивой: апология «принципа удовольствия» свойственна ей не в меньшей степени, чем антигедонистическое скрытое морализаторство – неизбежная оборотная сторона любой «размашистой» социальной критики. Согласно данной интерпретации фунда-

⁴ Там же. – С. 153.

ментальная порочность системы проявляется в ее всеобъемлющем манипуляторстве, в том, что она, в своей сущности, есть система всеобщего обмана. Различия товаров и соответствующих стилей, призванные маркировать личностную уникальность потребителя, искусственно создаются в промышленном производстве путем бесконечного дробления товарной массы на серии и модели; вся рекламная индустрия занята производством и внушением многообразных квазимифологических образов, призванных через осуществление стратегий соблазна украсить и «оживить» процесс в целом стандартного потребления. При этом все институты потребительского рынка, образующие систему «вещи/реклама» и осуществляющие реальное управление поведением потребителей (которое автор прямо называет «цензурой»), постоянно имитируют позу слуги, обслуживающего персонала, чья единственная забота – угодить хозяину (покупателю, потребителю). Автор называет такую практику системой «управляемой персонализации» и оценивает ее в качестве «функционализации самого потребителя», лишь прикрываемой тщательно выстроенной иллюзией свободы. Таким образом, как и в концепции Г. Маркузе, подчеркивается общий смысл отношений системных институтов и личности как отношений манипуляции, скрытого, тайного воздействия на сознание людей в логике имитации и соблазна. Ж. Бодрийяр акцентирует общий «симулятивный» характер социальной реальности современного общества через концептуализацию знаково-символической функции вещей в качестве доминанты их социального бытия.

В такого рода критических и сверхкритических интерпретациях современной со-

циальной системы, когда акцентируется тотальность и «целесообразность» (целенаправленность) в ее функционировании, ее смысловая определенность и «нацеленность» на некий конкретный результат, неизбежно проявляются тенденции онтологизации (реификации) системы. Представленная «критическими» дискурсами в качестве организующего начала, создающего и воспроизводящего субстанцию тотального знаково-символического регулирования по отношению к массовому сознанию, социальная система имеет тенденцию утрачивать свой нормативно-реляционный статус и превращаться в самостоятельную инстанцию, которая обычно в явной или неявной форме отождествляется с «властью», «властными структурами», властными институтами. В данном аспекте система не только реифицируется, но и до некоторой степени персонифицируется в классическом образе Старшего Брата – инстанции «надзирающей и наказывающей», целенаправленно осуществляющей управление и контроль. Согласно такой «картинке» в обществе потребления при всей его внешней свободе и даже распушенности Старший Брат – символ репрессивности и тотальности предшествующих эпох – никуда не исчезает; он лишь меняет, условно говоря, свое местонахождение и облик. Прежде явно присутствовавший на социальной арене в виде грозных государственно-правовых структур, в современном обществе он уходит в тень, прячется за кулисами происходящих событий, и вместо себя выставляет на авансцену своих союзников и верных слуг – институты потребительского рынка (реклама и мода) и всепроникающую структуру СМИ. Они-то и плетут знаково-символическую сеть симулякров, создают в массовом сознании иллюзии свободно-

го выбора и безграничных возможностей индивидуализации, что на деле маскирует тотальный контроль и целенаправленное формирование потребностей в логике «одномерности». Вместе они (государство, рынок и СМИ) осуществляют заговор против населения с целью укрепления своей скрытой тотальной власти. Общий вывод: свобода возможна только в ее «внесистемном» качестве.

Эти драматически звучащие выводы о сущности социальной системы, выдержанные в духе конспирологии, нашли отклик в современном массовом сознании, в искусстве и разного рода гуманитарных дискурсах. В настоящее время они представляют собой наиболее популярный и перманентно воспроизводимый в различных текстах и иных информационных сообщениях вариант объяснения процессов, характеризующих закономерности социально-индивидуального взаимодействия в «обществе потребления». Контр-системная «парадигма враждебности» применительно к интерпретации «общества потребления» сохраняет и усиливает свои позиции в идейном противостоянии с теориями просистемного направления.

В содержательной характеристике обновляемой «парадигмы необходимости» мы примем за основу общетеоретические работы З. Баумана и А. Менегетти. Методологически и содержательно они значительно различаются между собой; представленные в этих исследованиях концептуально оформленные образы социальной системы также далеко не по всем параметрам совпадают, однако по ряду наиболее существенных характеристик прослеживается принципиальное единство подходов. В этом плане наиболее значимым представляется сам факт признания данными авторами объек-

тивной социальной необходимости в качестве, условно говоря, «обязующего начала» теоретизирования о системе и личности. Здесь признается самоочевидным и не требующим доказательства тезис о невозможности построения теории социума и личности с опорой исключительно на субъективные и субъектные факторы (Я и Другой, «интерсубъективность» и т. д.) Для обозначения объективных и объективированных модусов социальности авторы используют различную терминологию. Более традиционная классическая понятийная схема З. Баумана («система», «социальные институты», «социальный порядок») дополняется своеобразным и даже временами экзотическим языком А. Менегетти: «социальная биология», «организмическое социума», «внутренняя метаболическая структура общества», и даже известное понятие-образ Ж.-П. Сартра «в себе» (в логике смысловой оппозиции «в себе» – «для себя», аналогичной противопоставлению понятий «объект» – «субъект»). Наиболее существенным моментом, указывающим на принципиальное единство теоретических взглядов и одновременно на их концептуальную преемственность по отношению к классическим образцам про-системной парадигмы, является принятие общей идеи «системной свободы». З. Бауман в книге «Свобода» пишет о том, что по отношению к личности социальные институты должны рассматриваться с точки зрения диалектики ограничения и освобождения, и в целом выстраивает свою концепцию свободы через совмещение, соединение противоположностей – личностной индивидуальности и системной тотальности. В книге «Индивидуализированное общество», характеризуя общий тренд изменения теоретических представлений о системе и личности, он

отмечает, что центр дискурса смещается от образа двух сил, сошедшихся в бесконечной схватке за свободу и господство, в направлении «взаимообязывающей концепции». Суть этой концепции в целом аналогична идее «взаимопроникновения» в теории Т. Парсонса, только представлена в несколько ином ракурсе, с акцентом на ценность индивидуализации. В «Системе и личности» А. Менегетти формулирует тезис о диалектической взаимосвязи между индивидом и обществом следующим образом: «Система – это данность, прежде всего устанавливающая себя в качестве опорной точки социальной диалектики»⁵. Единство противоположностей, каждая из которых является необходимым условием существования другой – так формулируется базовый тезис о необходимой взаимозависимости системы и личности.

Главный принцип «обвинения» системы в логике «парадигмы враждебности» – тезис о ее всеобщем манипуляторстве и ориентации на объектное, а не субъектное качество личности – поставил под сомнение одну из основополагающих идей, своего рода *Credo* всей научно ориентированной про-системной теории. «Парадигма необходимости» всегда связывала воедино прогресс социальных институтов, развитие личности и нарастание потенциала свободы, что составляло, по выражению Ч. Кули, сущность понимания «свободы как формы социального порядка»⁶. Однако именно данная идея оказалась дискредитирована развивающейся практикой «общества потребления» с его опорой на институты потребительского рынка, массовой культу-

⁵ Менегетти А. Система и личность. 2-е изд. – М.: ННБФ «Онтопсихология», 2007. – С. 51.

⁶ Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок – М.: Идея-пресс, 2000. – С. 319.

ры и оформляющейся «четвертой власти». В этих условиях теории «системной необходимости» предлагают принципиально новую интерпретацию происходящих процессов. В их исследованиях признается наличие стратегий манипуляции и соблазна, но при этом отмечаются и прямо противоположные по своему общему смыслу тенденции взаимодействия личности и системы, определяющие вектор движения не к «одномерности» человека, а наоборот – к его «многомерности» (внутренней сложности) и личностной автономии, т. е. к свободе.

Первая из «эмансипирующих» тенденций такого рода – возрастающие многообразие и сложность всей социальной и культурной реальности. Вопреки стереотипам критической теории социальный контекст формирования и существования личности в информационном/потребительском обществе далек от определенности, запрограммированности и однозначности. Социокультурный фон человеческой жизни не образует тотальности в своей общей смысловой направленности, как это утверждается в контр-системной парадигме. Всякая тенденция дополняется контр-тенденцией, а всякое влияние – контр-влиянием. Тенденция тотализации в институтах потребительского рынка, массовой культуры и СМИ существует, но еще более значимой является противоположная тенденция плюрализации, возрастающей множественности и содержательной противоречивости ценностных и культурных «образцов». Существовавшие в прошлом институциональные факторы единства и целостности утрачивают свое определяющее влияние, и люди оказываются в ситуации все возрастающей неопределенности, неустойчивости и непредсказуемости. При этом тяготы

неопределенности социального контекста для каждого человека формируются и проявляются в двух главных аспектах – в непредсказуемости последствий собственных действий и в утрате сколько-либо консолидированных источников авторитета, способных указать «истинный путь». Характеризуя методы и формы «социального давления» (т. е. системного регулирования) в их исторической эволюции, З. Бауман пишет, что в предшествующие столетия освобождение понималось как снятие многочисленных внешних запретов и ограничений, воспроизводимых в деятельности социальных институтов. Когда в современном обществе такая свобода была достигнута, оказалось, что сами идеи социальности и свободы изменяют свое содержание. На место ценности внешней свободы пришла ценность свободы внутренней. Главной проблемой обретения свободы стала проблема самосознания – формирования и определения собственной персональной идентичности в логике ответа на вопрос «Кто я такой?». Изменился характер внешней по отношению к личности социальной детерминации, главными характеристиками которой, согласно З. Бауману, стали плюрализм, гетерогенность и «раскоординированность» социальных сил, что создало и необходимость и возможность индивидуального выбора, возрастающей рефлексивности и личной ответственности. Отсутствие всеобщих и однозначных норм и законов, наличие многих и разных «голосов», претендующих на роль выразителей истины, – вот главная черта современности и подлинное основание современной свободы. В тексте: «Свобода современного индивида возникает из неопределенности; из некоторой “недо-детерминированности” внешней реальности, из сущностной про-

тиворечивости социальных давлений»⁷. Эта общая тенденция современного развития, которая оформляется еще в эпоху раннего модерна («первоначального накопления» и «свободной конкуренции»), на стадии «общества потребления» не утрачивается, а только модифицируется в направлении усиления во взаимодействии компонентов игры, мистификации и «соблазна». Развивая мысль автора, переводя ее в образный ряд, можно сказать, что не «Старший Брат», а «бесы-искусители» являются главными действующими лицами и героями современного культурного и информационного пространства. Их манипулятивные (в том числе «воспитательные») возможности нельзя недооценивать, но «бесов» не следует и демонизировать, а также преувеличивать их государственно-политическую ангажированность. «Бесы-искусители» рынка, СМИ и массовой культуры не выступают в качестве единственных субъектов культурного и информационного поля современности; значительную роль в его рамках продолжают играть «авторитетные инстанции», но это уже не безраздельно властвующий Старший Брат с его верными слугами, а вечно спорящие и вообще конкурирующие между собой за влияние, условно говоря, Старшие Братья и Сестры. Таким образом, складывающаяся в области методов влияния на личность (форм социального давления, по выражению З. Баумана) ситуация отражает изменения положения, статуса и возможностей самих участников взаимодействия. Острая конкурентность отношений между «бесами» и «старшими родственниками», постоянно сопутствующая этой конкуренции возможность/необходимость выбора авторитетных инстанций со

стороны потребителей «контента» неизбежно выдвигает на первый план во взаимодействии субъектов рыночные стратегии искушения и соблазна. Несомненно, для образованных, серьезных и рационально ориентированных людей в культурном пространстве «общества потребления» также находится место – ведь сохраняют значительное влияние элитарные сегменты так называемой «высокой» культуры. Однако в целом, как отражение экспансии массовой культуры, в отношениях по линии «система – личность» среди методов системного влияния искушение все больше теснит убеждение и уж тем более замещает дискредитированное принуждение. На уровне общих социально-психологических тенденций происходит ослабление фактора рациональности и возрастание значения эмоциональности, спонтанности, непосредственной витальности – это почти неизбежная черта всех процессов демократизации, понимаемой в широком, неполитическом смысле этого слова. Концепция (модель) личности с доминантой рациональности, сознательности и ответственности, всегда несущая на себе печать некоторой элитарности, не полностью отвергается в современной культуре, но скорее уходит на ее периферию. Вместе с тем особое значение в массовой культуре факторов игры, мистификации и соблазна (условно говоря, «симуляции») имеет далеко не такой однозначно мрачный «репрессивный» смысл «зомбирования», как это предполагалось в концепциях Ж. Бодрийера и Г. Маркузе. Любая игра представляет собой область взаимодействия двух или нескольких субъектов в отличие от принуждения, которое всегда возвышает одного над всеми остальными, придавая ему статус субъектности, а остальных низводя до положения объектов.

⁷ Бауман З. Свобода. – М.: Новое издательство, 2006. – С. 59.

В игре каждый участник старается перехитрить и переиграть партнеров. Этот характер «взаимности» отношений манипуляции и симуляции акцентирует А. Менегетти, анализируя «стратегии соблазна», практикуемые «бесами», и предлагая людям в качестве адекватной реакции формировать и практиковать «стратегии свободы». Общий императив такого рода стратегий, обращенный к личности, формулируется в качестве требования не просто «быть самим собой», сохраняя внутреннюю дистанцию по отношению к ролям и институтам, но быть активным действующим лицом, субъектом, использующим объектность системы в своих интересах. В тексте: «Необходимо разумно объективировать систему, чтобы функционально использовать все ее инструменты для своего “Я”, следует решиться стать главным действующим лицом внутри системы»⁸. В условиях возможного антагонизма диалектически взаимосвязанных сущностей (личности и системы) стратегия личности подразумевает притворство и мистификации: «Единственное эффективное и ведущее к победе решение состоит в притворном приспособлении к системе при одновременном и постоянном самосозидании»⁹. В общем, речь идет о сложном взаимодействии с невидимым, но сильным партнером, с которым связывают отношения то игры (кто кого перехитрит и переманипулирует), то борьбы (кто кого победит). Такого рода высказывания демонстрируют изменившийся по сравнению с классикой про-системной традиции тон и стиль рассуждений о системе и личности, о личности в системном контексте. Никакой апологетики системы, это именно легитимация (оправдание), причем в весьма ограничен-

ных пределах – в качестве инструмента, орудия деятельности, средства достижения человеческих целей. Это не статус «монстра отчуждения», закрепленный за системой в контр-системной традиции, но и не положение высшего культурного авторитета (механизма исторической преемственности и выразителя родовой сущности), как это представлено в классических вариантах про-системной концепции. В современной интерпретации система в силу ее необходимости для людей признается благом и ценностью, но выступает в качестве ценности сугубо инструментальной. Такой подход значительно отличается от принципа «взаимопроникновения» в базовой по отношению к про-системной традиции теории Т. Парсонса и в целом возвышает (по крайней мере, потенциально) личность по отношению к системе. Однако следует признать, что постулируемая дистанцированность личности по отношению к системе одновременно создает трудноразрешимые проблемы в сфере самосознания Я (в единстве персональной и социальной идентичности). Если нет «взаимопроникновения» и соответствующей идентификации Я с системными модусами, а диалектическое единство личности и системы (точнее, факторов системности, репрезентированных в деятельности людей) есть лишь взаимно отчужденное манипулирование в режиме взаимного использования, то непонятно, какие силы могут заставить человека признать «горькую правду» («низкую истину») функциональности и «частичности» его социального бытия.

Вопрос о факторах «одномерности/многомерности» личности в «обществе потребления» также неразрывно связан с проблемой интерпретации и оценки самого феномена потребительской активности

⁸ Менегетти А. Указ. соч. – С. 21.

⁹ Там же. – С. 38.

(консьюмеризма) с точки зрения самоосуществления (самореализации) личности. То самое обыденное житейское знаково-символическое взаимодействие и соперничество в борьбе за индивидуальность, о котором так уничтожительно писал Ж. Бодрийяр в «Системе вещей» как об иллюзии свободы, заслуживает ли оно столь негативной оценки? З. Бауман предлагает совершенно иную интерпретацию так называемой «потребительской» свободы, вписывая ее в контекст общих объективных социально-экономических процессов, трансформирующих постиндустриальное общество. Согласно его оценке, на протяжении практически всей истории труд был центральной системной необходимостью и индивиды вступали в общественную систему прежде всего в качестве производителей (функционеров): производственные роли всегда были главными элементами системы. Институтам производства в той или иной степени подчинялись все остальные элементы системы (политические, правовые, семейно-бытовые, религиозные и т. д.) Такая ситуация детерминировала весь образ жизни, доминирующие системы ценностей и приоритетные сферы свободы (самореализации и субъектности) В тексте: «Труд занимал центральное положение одновременно на индивидуальном, социальном и системном уровнях. Более того, труд служил звеном, соединяющим индивидуальную мотивацию, социальную интеграцию и управление системой (systemic management), и главным институтом, ответственным за их взаимную согласованность и координацию»¹⁰. Согласно данной интерпретации, в течение по крайней мере последнего столетия технические и экономические достижения цивилизации радикаль-

но расширили возможности потребления большинства населения, увеличили долю его свободного времени и, таким образом, изменили иерархию ценностей и сфер самореализации. Произошел сдвиг приоритетов: от достижений в области производства, от борьбы за карьерное продвижение, власть и собственность – к ценностям досуга, семейного счастья, развлечений, самообразования, путешествий, многообразных хобби и т. д. Именно в этих сферах наряду с ценностью удовольствия доминантой стала ценность индивидуальности, был возвышен акцентирующий индивидуальность принцип различия. Развивая мысль автора и переводя ее в образный ряд, можно сказать, что «необходимость себя», которая и прежде присутствовала в человеческой жизни, но в совершенно ином качестве, потеснила «необходимость дела». Цивилизация труда и трудовой аскезы сделала несколько шагов в направлении превращения в цивилизацию досуга и развлечений. З. Бауман пишет о том, что произошло ослабление влияния ценностей труда на всех трех уровнях: индивидуальном, социальном и системном. Их место заняла потребительская свобода. «Теперь она берет на себя ключевую роль того связующего звена, которое объединяет жизненные миры индивидов и целесообразную рациональность системы – роль той основной силы, которая координирует мотивированное действие индивида, социальную интеграцию и управление социальной системой»¹¹.

По нашему мнению, в такой характеристике и оценке социокультурной ситуации речь идет лишь о доминирующей тенденции, а не о всеобъемлющем и завершившемся процессе. Необходимость производства, деятельности, обобщенно пред-

¹⁰ Бауман З. Свобода... – С. 97.

¹¹ Там же. – С. 98.

ставленная в императиве «необходимости дела», всегда будет составлять фундаментальное системно оформленное основание человеческой жизни. В этом смысле «смена вех», осуществляемая в логике движения от производства к потреблению, представляет собой лишь смену акцентов, пропорций, но не изменение направления развития. Императивы трудовой и творческой аскезы, репрезентирующие в человеческой жизни принцип реальности и долженствование духовности, столь длительное время составлявшие смысловое ядро морального идеала и знак элитарности, не утратили своего значения в культуре, но лишь смягчили жесткость требований, ослабили свое влияние в пользу принципа удовольствия и самореализации индивидуальной экзистенции – отсюда неизбежность нарастания в культуре гедонистических и индивидуалистических мотивов.

Выводы о закономерности происходящих в сфере индивидуальной свободы и системной регуляции процессов легитимизируют (оправдывают) и свободу в ее «потребительском модусе» и социальную систему в ее массовой информационно-рыночной фазе. Современная «потребительская» свобода представляет собой огромное расширение пространства индивидуального выбора, решения и самоосуществления для множества людей, это реальное освобождение в смысле увеличения возможностей их самореализации. До тех пор, пока не существует тотального воздействия, пока социальная необходимость (система) говорит многими и разными голосами, предлагая различные «пути спасения», можно считать это свободой и освобождением, поскольку жизнь осуществляется в пространстве индивидуального выбора и решения. Трудности ситуации всеобщей неопределенности

и негарантированности, неясности жизненного контекста являются только оборотной стороной и неизбежными постоянными спутниками свободы.

Концепция «системной свободы» в ее внутренней сложности и диалектичности, позволяющей достичь «многомерности» идеи свободы через совмещение в ней индивидуально-личностных и безлично-системных начал, представляется наиболее эвристичной теоретической конструкцией в предметном поле исследований свободы и системы. Однако влияние данной концепции, значительное и даже доминирующее в научных сообществах (соответственно, в социологических и политико-правовых дискурсах), почти не прослеживается в философско-антропологических и в целом гуманитарных сегментах теоретических исследований. В этих сферах продолжает доминировать идейный комплекс «чистой субъективности» с сопутствующими мотивами постсубъективности («смерти субъекта») и «обвинения» системы, интерпретации ее в духе «враждебности». Возможно, причины такого диссонанса следует искать не столько в самом «теоретическом разуме», сколько в более широких массовых умонастроениях «образованной публики», в фундаментальных социально-психологических тенденциях, отражающих нарастание влияния в общественном сознании эстетических паттернов культуры. Мы по-прежнему настолько очарованы идейным комплексом «прекрасной индивидуальности», что не хотим слышать «абстрактных и скучных» рассуждений в духе ее детерминации и ограничений со стороны безличных объектных сущностей социального порядка и системной необходимости, в логике «оправдания» системы. Не имеет значения тот факт, что идеал «пре-

красной индивидуальности» предшествующих эпох давно уже трансформирован современным искусством в образ «ужасной индивидуальности»; массовое очарование от этого не проходит, а только усиливается. Согласно многим весьма авторитетным оценкам мы дожили до такого уровня безопасности и благополучия, что только «цветы зла» способны рассеять скуку повседневности и заполнить экзистенциальный вакуум современного человека. Можно предположить, что сам образ жизни современного общества способствует формированию массовых настроений и иллюзий в духе забвения факторов необходимости, всегда образующих основания социальной деятельности и социальных отношений. Тяготы и бедствия реальной жизни, сконцентрированные в императив «принципа реальности», значительно ослабили свое давление на жизнь людей в «обществе потребления». Свобода в смысле «делаю что хочу» в обществе, достигшем высокого уровня благосостояния и провозгласившем индивидуализацию высшей ценностью, представляется массовому сознанию естественным и неотъемлемым правом личности. В то же время голос социальной необходимости, напоминающий об обязанностях и объективных социально-системных императивах эффективности, функциональности, социально-ролевого конформизма – иначе говоря, об универсальных императивах труда и долга – звучит все тише, уходит из текста в подтекст социальных отношений. Эта тема «исчезающей», «прячущейся» социальной необходимости принципиально важна для понимания современных толкований

свободы, ее наиболее растражированных в теоретическом и массовом сознании образов – «бунта», «оргии» и иных модусов, выдержанных в духе «радикального различия», «спонтанности» и «творческого безумия». Между тем события последних лет вполне наглядно показывают, что экономические, социальные и духовные ресурсы «общества потребления» не безграничны. Согласно нашему пониманию главных императивов современности, в философии свободы должны быть акцентированы иные мотивы. Главные из них: «категорический императив» теоретической и духовно-практической реабилитации объективной социальной необходимости, возрождение классических принципов рациональности, ответственности и «системной свободы» перед лицом новых вызовов и угроз в неотвратимо наступающие трудные времена.

Литература

- Бауман З.* Свобода: пер. с англ. / З. Бауман. – М.: Новое издательство, 2006. – 132 с.
- Бауман З.* Индивидуализированное общество: пер. с англ. / З. Бауман. – М.: Логос, 2002. – 390 с.
- Бодрийяр Ж.* Система вещей: пер. с фр. / Ж. Бодрийяр. – М.: Рудомино, 1995. – 169 с.
- Кули Ч.Х.* Человеческая природа и социальный порядок: пер. с англ. / Ч.Х. Кули. – М.: Идея-пресс, 2000. – 309 с.
- Маркузе Г.* Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества: пер. с нем. / Г. Маркузе. – М.: АСТ, 2002. – 526 с.
- Менегетти А.* Система и личность: пер. с итал. / А. Менегетти. – Изд 2-е. – М.: ННБФ «Онтопсихология», 2003. – 328 с.